

Наследие

«Все силы
культуры должны
объединиться»

*Избранные письма Н.К. Рериха ученым,
общественным и культурным
деятелям (1930-е гг.)*

Николай Константинович Рерих известен как великий художник, мыслитель, общественный деятель, ученый. Круг его научных интересов был широк и включал в себя не только археологию, философию истории и культуры. «Значение Н.К. Рериха как ученого нельзя определять исходя только из тех научных дисциплин, в которых он непосредственно вел научную работу. Рерих был также и замечательным организатором науки, ее идеологом, активно борющимся за то, по его словам, “руководящее знание”, которое содействовало бы воцарению справедливости на всем земном шаре»¹.

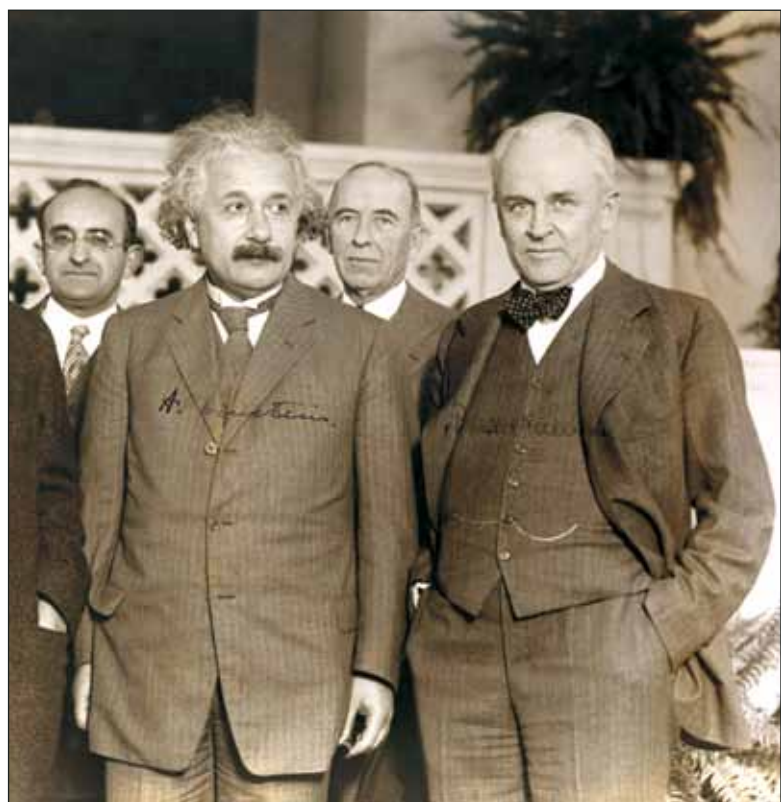
¹ Беликов П.Ф., Шапошникова Л.В.
Институт «Урусвати» // Духовное
созерцание. 1998. № 1–2. С. 26.

Свен Гедин

Рерих писал: «Наука, если она хочет быть об-новленной, должна быть прежде всего неограни-ченной и тем самым – бесстрашной. Всякое ус-ловное ограничение уже будет свидетельством убожества, а тем самым станет непреодолимым препятствием на пути достижения. <...> Именно свободная, неограниченная наука опять открыва-ет человечеству многие давно забытые полезные находки. Фольклор снова идет рука об руку с на-хождениями археологии. Песня и предание под-крепляют пути истории. Фармакопеи древних на-родов опять оживают в руках пытливого молодого ученого. Никто не скажет, что всякая древняя фар-макопея может быть дословно переименована. Ведь многие иероглифы написаний условно символич-ны. Само значение многих выражений затерялось и изменилось в веках. Но опытность тысячелетий тем не менее дает неограниченное поле для полез-ных изысканий. Так многое забытое должно быть вновь открыто и благожелательно истолковано языком современности»².

Исследовательская работа в области археоло-гии, теории и истории культуры велась в Цен-трально-Азиатской и Маньчжурской экспеди-циях. В мыслях о новой, одухотворенной науке Е.И. и Н.К. Рерихами был создан Институт Ги-малайских исследований «Урусвати». «Институт

Альберт Эйнштейн и Роберт Милликен

не походил на другие подобные учреждения. Он опережал свое время. В его структуре и работе на-шло отражение предвидение, которым отличал-ся Николай Константинович. Многие потом при-дут к тем же мыслям и идеям. Эти идеи и мысли будут отвечать основным тенденциям в развитии мировой науки, но немедленного признания не получат»³.

Комплексный подход к исследованиям стал визитной карточкой института. С ним сотруди-чали лучшие деятели науки Востока – лама Лоб-занг Мингиюр, Махапандит Рахула Санкритияяна, Лама Чомпел Дордже, ботаник Султан Ахмед, про-фессор Кашиап, знаменитый биолог Индии Джа-гадис Чандра Бос, лама Лобзанг Цондю, лама Дава Тензинг, член Нанкинской академии, доктор Кенг. В числе светил американской и европейской науки, принявших участие в судьбе Института «Урусва-ти», были лауреаты Нобелевской премии Альберт Эйнштейн, Роберт Милликен, Луи де Бройль, пу-тешественник Свен Гедин, доктор К.К. Лозина-Ло-зинский, профессор Гарвардского университета Чарльз Ланман и многие другие.

Как организатор науки Рерих лично переписы-вался со многими видными учеными, обществен-ными и культурными деятелями, как связанны-ми с Институтом «Урусвати», так и работавшими

² Рерих Н.К. Листы дневника. В 3 т. Т. 1. М.: МЦР, 1995. С. 64.

³ Шапошникова Л.В. Великое путешествие. В 3 т. Т. 1. Мастер. М.: МЦР, 1998. С. 484.

на ниве науки и культуры вне его программ. Сердечная энергия Николая Константиновича была вложена в десятки писем, несущих новые мысли передовым представителям человечества XX века. Особые отношения сложились между президентом-основателем Института «Урусвати» и профессором Института Пастера в Париже Сергеем Ивановичем Метальниковым, их переписка была наиболее содержательной и фактически несла в себе зерна Науки Будущего⁴.

Рерих пристально следил за новыми научными находками, не забывая отмечать их в «Листах дневника». С большим уважением отзывался он об исследованиях индийского физиолога и физика Джагадиса Боса (Боше). Разработанный им инструментарий для регистрации реакции живых организмов на внешние стимулы позволил установить сродство между животными и растительными тканями. Н.К. Рерих писал: «Задолго до <...> механистических начертаний замечательный ученый Индии сэра Джагадис Боше в таких же путях исследования запечатлел пульс растений, выявил даже для случайного глаза, как реагирует растение на боль, на свет, как отмечается в пульсе его появление даже малейшего удаленного облачка. В полной графичности на стене отмечалась вся судорога смерти растения, отравленного или пронзенного. Тут же отмечалось и воздействие человеческой энергии на жизнь тех самых растений, которые

С.И. Метальников

еще недавно даже в глазах цивилизованных людей были лишь низшими мертвыми отростками»⁵. В Отделе рукописей Международного Центра Рерихов хранится единственное письмо Н.К. Рериха к Дж.Ч. Босу. Оно поражает широтой мысли, тем, что в нескольких строках текста обозначены ритм жизни и круг научного сотрудничества двух великих людей.

Мысль самого Николая Константиновича шла впереди даже самых смелых исследований того времени. Он записывал в «Листах дневника» свои

⁴ См.: Наука Будущего. Переписка Н.К. Рериха и С.И. Метальникова. Вступ. ст. О.А. Лавреновой и Т.И. Ульянкиной // Культура и время. 2003. №2. С. 73–85.

⁵ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 1. С. 126.

Здание Института Гималайских исследований «Урусвати»

размышления, похожие на пророчества: «Когда-нибудь врачи-психологи будут экспериментировать над пространственными воздействиями на человека. Всякое наблюдение требует времени. Каждый психологический опыт нуждается в кооперации. Без сотрудничества, без доверия, без доброжелательства невозможно приближаться к сферам тонких энергий»⁶; «Непредубежденная наука устремляется в поисках за новыми энергиями в пространство – этот беспредельный источник всех сил и всего познания. Наш век есть эпоха Энергетического Мировоззрения»⁷; «Наука уже входит в такие необъятные области, как мысль. При этом об-

наруживается, что мысль действует по каким-то законам, еще не произнесенным человеческими словами, но уже ощущаемым в ряде производимых сейчас опытов»⁸.

Научное творчество Альберта Эйнштейна вызывало неизменное уважение Н.К. Рериха. Их сближал широкий взгляд на культуру и науку. Николай Константинович, хорошо знакомый с древней традицией Востока, усматривал знаменательные «объединительные знаки между древнейшими традициями Вед и формулами Эйнштейна»⁹. В методах его научной работы Рериха привлекала углубленность в научное творчест-

⁶ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 2. М.: МЦР, 1995. С. 434.

⁷ Там же. С. 138.

⁸ Там же. С. 139.

⁹ Рерих Н.К. Избранное. М., 1979. С. 21.

Джагадис Бос

во, которую, несомненно, должно перенять молодое поколение: «Эйнштейн советовал студентам временно удаляться на маяки для возможности сосредоточения в чистой науке»¹⁰. Эйнштейн со своей стороны с большим почтением отзывался о творчестве Рериха¹¹. Нет ничего удивительного в том, что всемирно известный автор теории отно-

Альберт Эйнштейн

сительности стал почетным советником Института «Урусвати».

Особый интерес у Н.К. Рериха с юных лет вызвала археология. Эта наука и по сей день благодарна ему за ряд принципиальных подходов, разработанных ученым в начале прошлого столетия¹². «Обращаясь к археологии, мы видим, что многие

¹⁰ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 1. С. 63.

¹¹ См.: Глазами тех, кто знал его: [Высказывания Дж. Неру, Р. Тагора, А. Эйнштейна, Л. Леонова, В. Севастьянова И. Грабаря о творчестве Н.К. Рериха] // Доброе утро. 1994. № 36 (124). 23–25 сентября.

¹² См.: Лабецкий П.П., Лазаревич О.В., Молодин В.И. Рерих – археолог. Новосибирск, 2002.

раскопки последних лет изумляли нас изысканностью смысла и форм многих, даже частичных остатков. Эта изысканность, утонченное изящество давних веков еще раз напоминает, с каким заботливым, почтительным вниманием мы должны прикасаться к этим заветам древности»¹³, – писал он в «Листах дневника». Большой интерес представляют письма Н.К. Рериха Ральфу Магоффину, профессору Нью-Йорского университета, директору Американского археологического института, почетному советнику Музея Николая Рериха в Нью-Йорке и Института «Урусвати». Обоих ученых объединял профессиональный интерес к археологии. Пересылая в дар Американскому археологическому институту собственные картины, где изображены менгиры и петроглифы, Николай Константинович дает подробный научный анализ археологического и культурного наследия гималайского высокогорья, поднимает проблему Великого переселения народов, которая была центральной темой его исследовательского интереса на

протяжении всей жизни. Сочетание научной точности и высокохудожественности изображения на полотнах Рериха поразило именитого археолога. Выражая благодарность за присланные картины, профессор Магоффин пишет Николаю Константиновичу: «Все три работы, Ваши последние живописные произведения вдохновляющи. <...> Характерные археологические черты; цвет, контраст, все это глубоко проникло в мое сознание; отдаленные контуры вершин на высоте вечных снегов на заднем плане [картины] “Конь Гэсер-хана” подняли меня выше»¹⁴.

В письмах к Магоффину Рерих затрагивает тему, далекую от чистой науки, но, к сожалению, являющуюся почти неизбежным препятствием в любой человеческой деятельности, – пресловутый человеческий фактор. Профессор Вальтер Кельц, орнитолог и ботаник Мичиганского университета, работавший в Институте «Урусвати» в 1930–1932 годах, пользовавшийся его оборудованием и гостеприимством руководства, в конечном итоге просто-напросто присвоил не только результаты работы, но и институтский инвентарь. Николай Константинович был вынужден написать своему американскому корреспонденту об этом неприемлемом для научного сообщества случае.

Важная грань научного интереса Рериха открывается в письмах к Г. Манойловичу, «неустанному носителю Культуры»¹⁵, как отзывался о нем Николай Константинович, профессору, президенту Королевской академии искусств и наук Югославии (Загреб). В письмах к нему Рерих довольно лаконично и тем не менее очень целостно очерчивает проблему славянства. Масштаб его мысли поистине мировой, он с болью пишет о бедственном положении Культуры, но все равно его слова вселяют надежду.

На многочисленные просьбы о субсидиях (напомним, что научные и культурные учреждения, основанные Рерихами, существовали на общественные средства и пожертвования), к которым присоединяется и Королевская академия искусств и наук Югославии, Николай Константинович отвечает: «Все это вместе взятое облекается в сердце моем в большой культурно-финансовый проект, который я бы хотел обсудить и с Вами во время моего будущего приезда»¹⁶.

Музей Николая Рериха в Нью-Йорке. 1930-е гг.

¹³ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 1. С. 65.

¹⁴ Магоффин Р. Письма Н.К. Рериху // ОР МЦР. № 5257, л. 3.

¹⁵ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 3. М.: МЦР, 1995. С. 601.

¹⁶ Рерих Н.К. Письма Г. Манойловичу // ОР МЦР. № 5260, л. 3 (об).

Тема изучения русской культуры и насущной важности ее представления в Америке на высоком уровне поднимается в письмах Николая Константиновича к Евгению Александровичу Москову, юристу, журналисту, редактору газеты «Русский вестник» (Нью-Йорк), ректору Русского института при Музее Николая Рериха в Нью-Йорке. Он обрисовывает круг задач института, предоставляя его дальнейшее развитие творческому горению Москова. Идея Русского института в Америке фактически предваряла исторически сужденное сближение двух народов, должное во второй половине XX века разрешить военное противостояние расколовшегося надвое мира. Вдохновленный ректор нового научно-исследовательского учреждения с восторгом напишет Е.И. Рерих: «В число многочисленных, по всему миру, различных учреждений, созданных инициативой Николая Константиновича и отразивших его творчество и отдельные мысли, вступает учреждаемый теперь в Нью-Йорке Русский Институт, основной и общей задачей которого является правильное и систематическое ознакомление американцев с русской культурой в ее целом. Предлагаемое в копии письмо Николая Константиновича от 17 апреля ко мне даст Вам полную идею Института, а одно из моих приложений даст Вам некоторые подробности в мотивах появления института и в его задачах»¹⁷.

К сожалению, идея оказалась намного больше своего исполнителя, Русскому институту не суждено было заработать в полную силу. Творческого энтузиазма его ректору хватило ненадолго, и Николаю Константиновичу пришлось объяснять своим сотрудникам в Америке, что Москов «должен понять, что все дела самокупаемы, все начинается с малого, а кроме того, ему вполне естественно обращаться, хотя бы и за небольшими суммами, в американский foundation»¹⁸. Год спустя, после того как учреждения в Америке начали рушиться из-за предательства Хорша, присвоившего акции Рерихов и других пайщиков, от идеи этого института пришлось отказаться. «Необходимо осознать Идею как магнит...»¹⁹ – писала Елена Ивановна Рерих. И проект Русского института именно как магнит сохранился в анналах истории, став вкладом в формирующуюся идею международного культурного сотрудничества.

Гибель многих культурных и научных учреждений, работавших при Музее Николая Рериха в Нью-Йорке, отозвалась горечью в душе их основателя. Против такого варварства выступали многие известные люди того времени, но их голос не был услышан. В числе выступивших в поддержку Рериха был и Павел Радосавлевич, профессор Нью-Йоркского университета, этнограф, член Американского рериховского общества. В письмах к нему Николай Константинович свидетельствует против безумного разрушения Культуры, происходящего в Америке. Но идея культурного строительства и становления новой науки на американской земле пережила все превратности судьбы. Уже в послевоенное время Н.К. Рерих напишет сотрудникам: «В одном из прошлых писем Вы спрашивали, как быть с Академией в послевоенное время. Думается, начните собирать почетных членов. Сперва местных, а потом, когда почтовые сношения наладятся, и иностранных. Конечно, не спеша. Таким путем обогатятся силы и подойдут новые возможности. У Вас уже имеются такие полезные силы, как Ватсон, Мясин, Олин Даунс, Радосавлевич и др.»²⁰. Его мысль снова начнет собирать передовых людей, уцелевших в безвременье войны и экономических кризисов, – во имя Науки и Культуры.

Объединительная сила мысли великого художника, культурного деятеля и организатора науки сыграла свою роль в 30-е годы прошлого века. Благодаря многогранности интересов и магнетичности личности Н.К. Рериха ученые, общественные и культурные деятели всего мира, вступавшие с ним в переписку, мыслили об активной междисциплинарной кооперации. «Если мы говорим, что наука и искусство – для всей жизни, то и вся жизнь в высоком ее качестве будет для науки, для творчества, для красоты, для всего Наивысшего»²¹. «...Во время всеобщего кризиса все силы культуры особенно должны объединиться»²², – писал наш великий соотечественник незадолго до того, как мир будет потрясен жесточайшей войной. Его идеи остаются актуальными и в XXI веке, в эпоху глобальных кризисов.

Предлагаемые вниманию читателей письма Н.К. Рериха из фондов Отдела рукописей МЦР публикуются впервые и представляют существенно важную страницу его широкомасштабной культурной и научной деятельности.

О.А. Лавренова

¹⁷ Москов Е.А. Письмо Е.И. Рерих // ОР МЦР. № 1498, л. 1.

¹⁸ Рерих Н.К. Письма в Америку. М., 1998. С. 38.

¹⁹ Рерих Е.И. Космологические записи / Рерих Е.И. У порога Нового Мира. М.: МЦР, 2000. С. 253.

²⁰ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 3. С. 320.

²¹ Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 1. С. 365.

²² Рерих Н.К. Письма Р. Магоффину // ОР МЦР. № 5258, л. 1.

Н.К. Рерих

Письма ученым, общественным и культурным деятелям

Джагадису Чандра Босу¹

16 апреля 1929 г.
Наггар, Кулу, Пенджаб

Дорогой сэра Джагадис,

22 мая на пароходе «Герова» я отплываю в Америку, где мой приезд с лекциями станет туром по всей стране и я опять получу прекрасную возможность говорить о мирном культурном строительстве. Для меня будет подлинным счастьем возможность упомянуть Ваше великое имя как того, кто несет по всему миру факел знания. Вы должны почувствовать, как много у Вас в Америке настоящих друзей.

Я уверен, Вам будет приятно услышать, что к нашей группе присоединилось еще несколько великих имен мирового значения: проф. Милликан² (открыватель космических лучей), проф. Эйнштейн³, проф. Михельсон⁴, д-р Свифт (Институт Рокфеллера), проф. Клемен, проф. Бако⁵ и несколько других, также мирового значения.

Мне жаль, что здоровье миссис Рерих не позволяет ей отправиться с нами.

Мисс Лихтман⁶, одна из директоров Института Объединенных Искусств, останется с ней в Наггаре. Пожалуйста, передайте мои наилучшие пожелания леди Бос, проф. Молишу, мисс Орншалт и всем друзьям.

С самым теплыми чувствами,

[*Н. Рерих*]

Альберту Эйнштейну⁷

28 февраля 1931 г.
Наггар, Кулу, Пенджаб,
Британская Индия

Высокочитимый коллега!

Доброжелательный отзвук Вашего приветствия моей деятельности из Америки достиг нашего Института Гималайских исследований.

Прежде чем состоится наша личная встреча, мы, несомненно, обменяемся с сердечной искренностью и откровенностью общими впечатлениями. Я очень высоко ценю Ваши значительные открытия и достижения, и мне очень дорого Ваше высокое мнение о наших учреждениях и моем творчестве. Девиз, который нам очень близок: «Знание и Красота – краеугольные камни Эволюции», – ярко и выразительно прозвучал в одной из Ваших речей в Америке. Оценка сути и смысла Красоты, прозвучавшая из уст великого ученого, является чрезвычайно важным знаком.

В дни, когда идея Высокой Культуры несколько поблекла и людей бросает из одной крайности в другую, их творческий подъем и вдохновение исчезают, все, кто посвятил Культуре свою жизнь, должны объединиться.

Когда я упоминаю Ваше имя или цитирую Ваши слова в своих статьях и выступлениях, я всегда чувствую Вашу особую притягательную силу, действующую как магнит. Осознаем же, что

¹ Перевод с англ. А.Л. Барковой.

² Милликан Роберт Эндрус (1868–1953), американский физик, иностранный член-корреспондент АН СССР, нобелевский лауреат (1923).

³ Эйнштейн Альберт (1879–1955), физик-теоретик, автор теории относительности, нобелевский лауреат (1921).

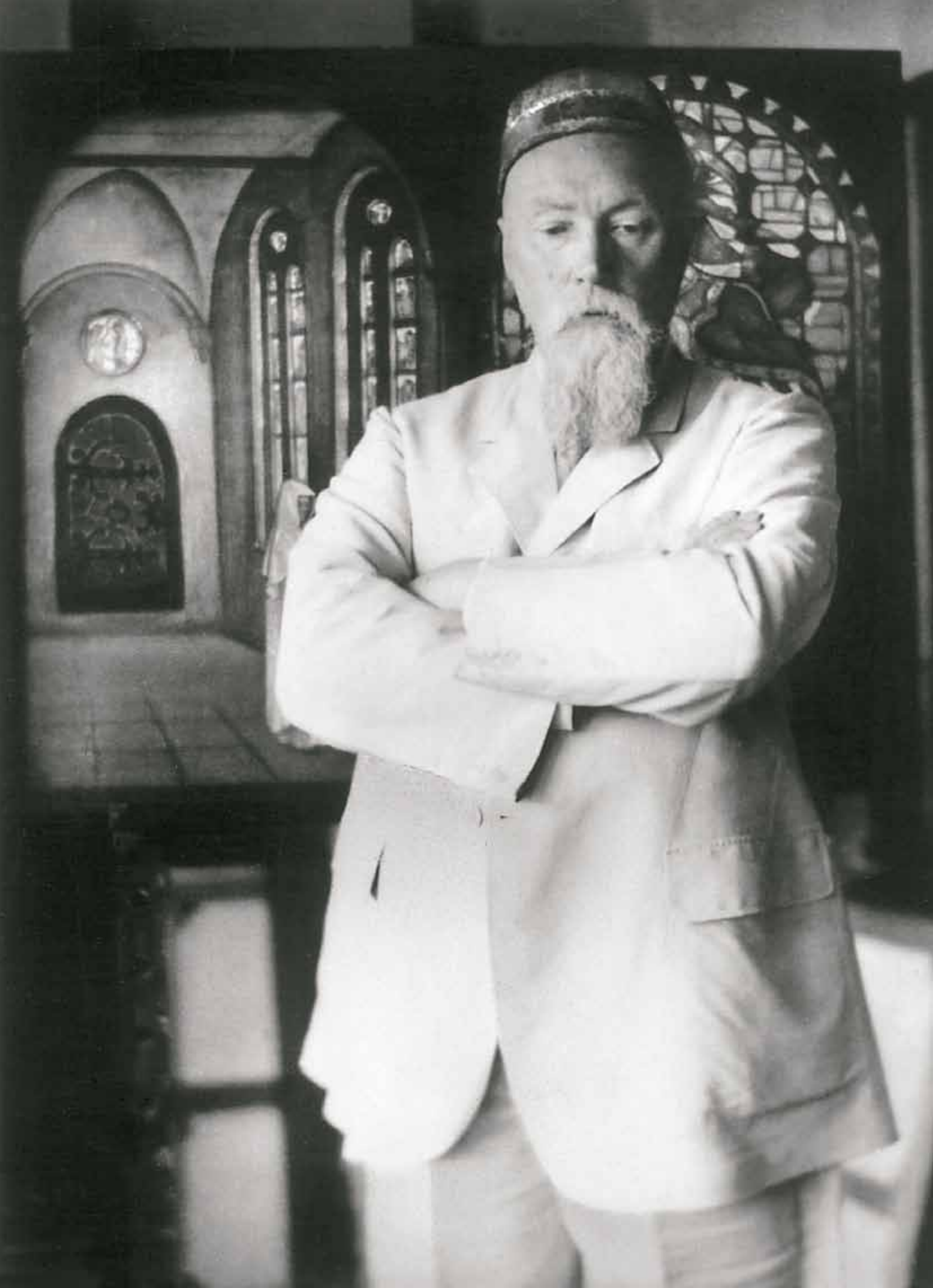
⁴ Михельсон Альберт (1852–1931), американский физик.

⁵ Бако Жак (1877–1965), французский тибетолог.

⁶ Лихтман (урожд. Шафран, по второму мужу Фосдик) Зинаида Григорьевна (1889–1983), член правления Музея Николая Рериха в Нью-Йорке.

⁷ Перевод с нем. Т.С. Галуновой.

*Н.К. Рерих у картины «Слава Героя». ▶
Кулу, 1930-е гг.*

в разных странах возникает особая Раса людей, живущих в Культуре, все устремления которых направлены на то, чтобы вернуть величие униженной и извращенной цивилизации. Каждый по-своему и в своей сфере деятельности! Эти невидимые друг другу и все же единые по воззрениям друзья так мужественно защищают высокое Знание и Красоту.

Вы дали миру знаменательные формулы Вечности, которые не только вызывают восхищение в высоких кругах научного мира, но и непреложно овладевают широкими массами. Как универсальный ученый Вы также тонко чувствуете искусство, поскольку Вы принадлежите к сфере музыки. В Вашем горении есть ритм, который выводит Вас в космические дали Вселенной.

Этими словами мне хотелось бы выразить глубочайшее преклонение, которое я испытываю перед Вашими высокими открытиями. Ваше одобрение моего творчества и культурной деятельности

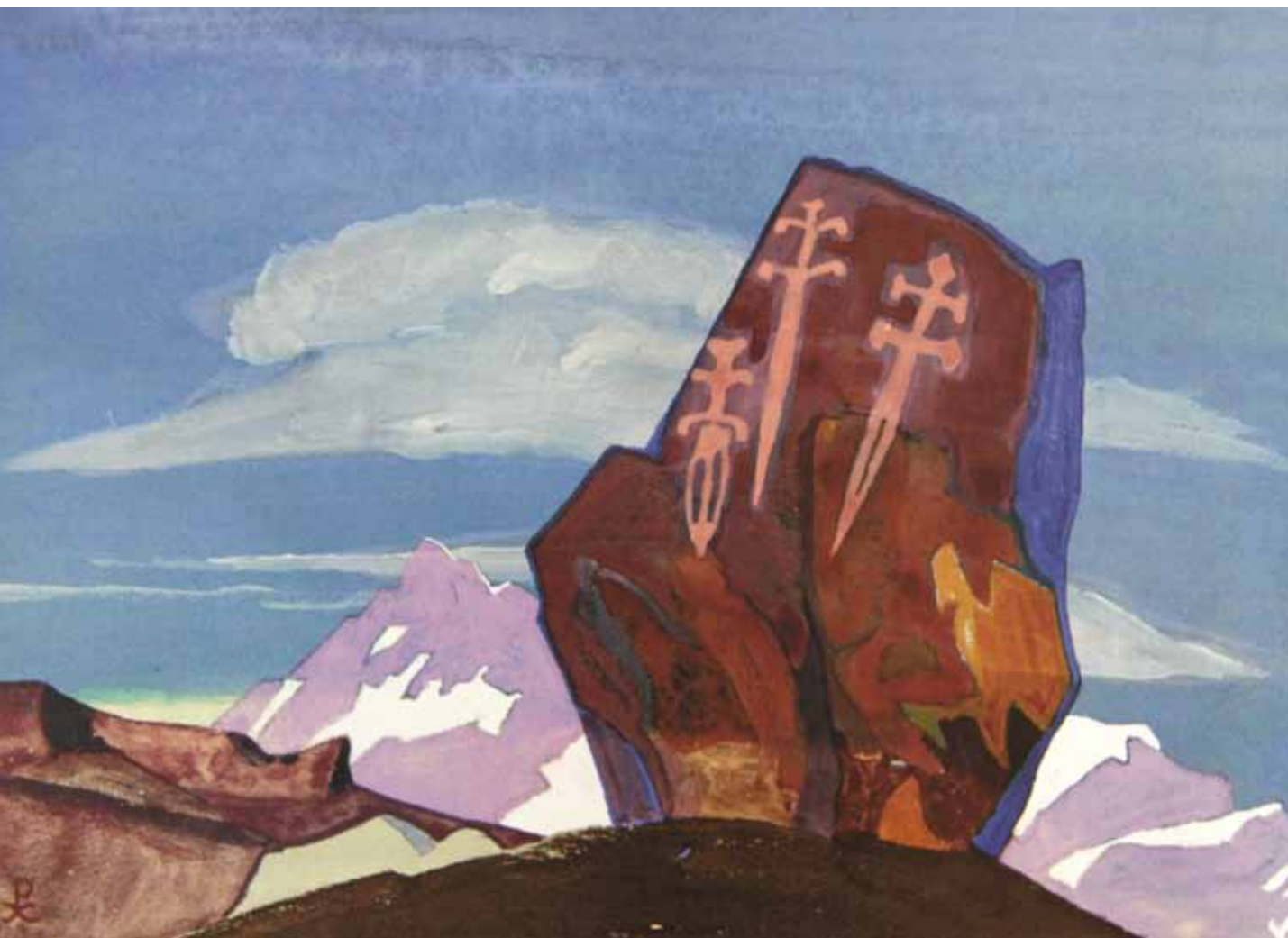
вдохновило меня обратиться с посланием к Вам – моему далекому другу и через моря и океаны сердечно позвать Вашу руку, руку, которая начертала в истории человечества многие незабываемые формулы.

Я верю, что мы еще встретимся. Не знаю, где и когда – может быть, в Германии, может быть, в другой, неожиданной стране, а может быть, в Гималаях, где мы сейчас работаем для развития Института Гималайских исследований.

Я должен отметить, что очень значительны первые шаги в нашей работе в области ботаники и исследований лекарственных растений, известных еще из Риг-Веды, и которыми были знамениты Гималаи в древнем Тибете, и многие наши друзья, ученые <...>⁸

Мы были бы очень счастливы установить контакты с научными кругами Германии, потому что только в сердечном сотрудничестве укрепляется Истина.

⁸ В тексте пропуск.

Н.К. Рерих. Три меча. Этюд. 1932

Примите, высокочтимый коллега, мой сердечный привет и позвольте выразить надежду на возможность личной встречи.

С наилучшими пожеланиями в достижении истинного знания,

Ваш

[Н. Рерих]

Р.В.Д. Магоффину⁹

12 февраля 1932 г.

Наггар, Кулу, Пенджаб, Британская Индия

Мой дорогой профессор Магоффин, Ваше доброе письмо от 7 января и все записи Ваших прекрасных речей в стенах нашего Института доставили мне подлинную радость. Поистине, во время всеобщего кризиса все силы культуры особенно должны объединиться. Мы ежедневно видим, как сокровища культуры подвергаются опасности, и поэтому в настоящее время очень ценен каждый голос в их защиту. В моей следующей партии картин, отправленных в Нью-Йорк, Вы найдете две, которые Вас особо заинтересуют. Первая – «Меч Гесэр-хана»¹⁰, символика которой тесно связана с памятниками бронзового века, оставленными во время Великого переселения народов. Вторая – «Менгиры на высокогорье»¹¹ – напоминает нам о подобных древних сооружениях в Карнаке (Бретань). Если захотите, можете показать их нашим товарищам из Института археологии. Я буду очень рад.

Мы все шлем Вам самые лучшие пожелания и часто думаем о Вас с сердечной теплотой.

Искренне Ваш

[Н. Рерих]

24 сентября 1932 г.

Мой дорогой профессор Магоффин, пожалуйста, передайте Американскому археологическому институту мой подарок, состоящий из двух картин: «Мечи»¹² и «Менгиры Гималаев». Я прошу Институт принять эти картины в знак моего уважения их научной деятельности и моего восхищения Вашей энергичной просветительской деятельностью.

Гора М. (Гепанг)

В связи с этими двумя картинами мне хочется сказать следующее. Картина «Менгиры в Гималаях» (упомянутая в моих книгах «Сердце Азии», «Алтай – Гималаи») вызывает в памяти похожие на менгиры камни, воздвигаемые на горных путях с древнейших времен до наших дней. Несомненно, этот обычай связан и с древними менгирами Тибета, открытыми нашей экспедицией в 1928 году, которые похожи на менгиры Карнака.

На картине «Мечи» показан древний рисунок камня около Кьеланга, столицы Лахула (Лахул в искаженном произношении означает Южный Тибет). На заднем плане видна знаменитая Гора трех областей Гималаев, называемая гора М. Это место находится на древней дороге из Индии к Кайласу и Тибету и известно как обитель мно-

⁹ Перевод с англ. А.Л. Барковой.

¹⁰ Картина Н.К. Рериха «Меч Гесэр-хана» (1931). Гесэр-хан, легендарный монгольский хан (XI в.), герой эпоса Центральной Азии.

¹¹ Имеется в виду картина Н.К. Рериха «Менгиры» (1928–1929(?)); также известна под названиями «Менгиры Гималаев», «Менгиры в Гималаях»), на которой изображено святилище в Доринге.

¹² Имеется в виду картина Н.К. Рериха «Три меча» (1932).

гих риши¹³, например Вьясы, составителя Махабхараты, риши Васишты, открывшего целебный источник, и Капилы, который, согласно традиции, обладал так называемым «оком смерти». Из духовных вождей Тибета в этих местах жили Миларепа¹⁴, Падма Самбхава¹⁵ и Гуцанг-па. Место, где находится камень, располагается на высоте около 11 000 футов над уровнем моря. Здешние изображения на скалах и камнях обладают высокой научной ценностью. Везде разбросаны изображения, где пересекаются несторианское и манихейское происхождение.

Ладак, Дарджистан, Балтистан, Лахул, Трансгималаи, часть Персии, Южная Сибирь (Иртыш, Минусинск) богаты наскальными изображениями, выполненными в очень похожей технике, которые невольно напоминают о скалах Богуслана и изображениях восточных готов, а также других великих мигрировавших народов. Эти изображения Ладака, Лахула и всего гималайского высокогорья могут быть разделены на две основные группы. Буддийский тип, который дошел до нашего времени в форме изображения свастики (как буддийской, так и инвертированной бон-по), льва, коней Гесэр-хана, религиозных надписей, чортенов и других объектов культа.

Другой тип изображений относится к более древним временам, вместе с добуддийским бон-по и сходными огненными культами; он даже более значим по своему характеру и по удивительному сходству с друидизмом, что так интересно в связи с изучением Великого переселения народов.

Основной сюжет этих изображений (частично воспроизведенных в работе д-ра Франке¹⁶ – *Tibetische Hochzeitslieder*¹⁷, Folkwang Verlag, GmbH, Darmstadt, 1929) – это горный козел, который был символом огня. Среди этих изображений одно определяет своей техникой целые древние пласты (подобно шведскому halristningar¹⁸), отличая их от позднейших, что доказывает внутреннюю сущность формы культа.

Помимо горного козла, можно видеть различные комбинации изображений солнца, рук, ритуаль-

ных танцев и других знаков древнейшей культуры. Этот тип изображений относится к наиболее древней традиции, заслуживающей самого тщательного изучения, особенно в сравнении с подобными древностями в других странах.

К предыдущим изображениям добавились два более значимых, которые раньше не упоминались. Они находятся в Кангре и самом Кьеланге (Лахул); мы обнаружили изображения мечей, которым я посвятил одну из моих картин, которую и дарю Вашему уважаемому Институту. Значение этих изображений остается загадкой, однако особенно интересно, что его рисунок полностью совпадает с формой бронзовых мечей и кинжалов сибирского минусинского типа, который так характерен для начала эпохи Великого переселения народов. Давайте не будем делать поспешных допущений и выводов, но давайте разберемся со значимыми деталями более чем одного характерного дорожного камня.

Давайте не будем забывать, что старый католический миссионер Одорико де Парденоне, посетивший Тибет в XIV веке, упоминает, что место Лхасы называлось Готха. Руины древних храмов в Кашмире отчетливо напоминают общий характер аланских конструкций, которые сильнее всего отразились в романском стиле, произошедшем от раннеготского. Луи де ла Валле-Пуссен¹⁹ в своей книге «L'Inde aux temps des Mauryas»²⁰ пишет на стр. 283 об иностранцах, которые строили храмы в Кашмире:

«“Две Яваны”²¹ Эрила и Сита дарят буддистам водоемы²² и трапезную; записи 11 века н.э. города Джуннара (город в штате Махараштра). Эрила, несмотря на то, что это имя стало произноситься Эвриалос (Ind. Ant. 1911, стр. 11), не является греческим, оно более близко к шведскому Эрила, английскому Эрл. В Сите можно узнать готическую Хильду. Однако записи содержат необъяснимое слово: “дар Yavana Irila gatana”, “дар Yavana Cita gatana”. Стэн Коноу переводит эту фразу следующим образом: “Эрила Готская, т.е. Эрила относится к роду готов”²³.

¹³ Мудрецов.

¹⁴ Миларепа (1052–1135), тибетский буддийский святой, подвижник, поэт.

¹⁵ Падма Самбхава («рожденный в Лотосе», санскр.) (VIII в.), духовный учитель школы ньингмапа, одного из самых ранних направлений в буддизме.

¹⁶ Франке Р. Отто (1863–1946), немецкий востоковед.

¹⁷ «Тибетский свадебный обряд» (нем.).

¹⁸ Наскальные рисунки, петроглифы (швед.).

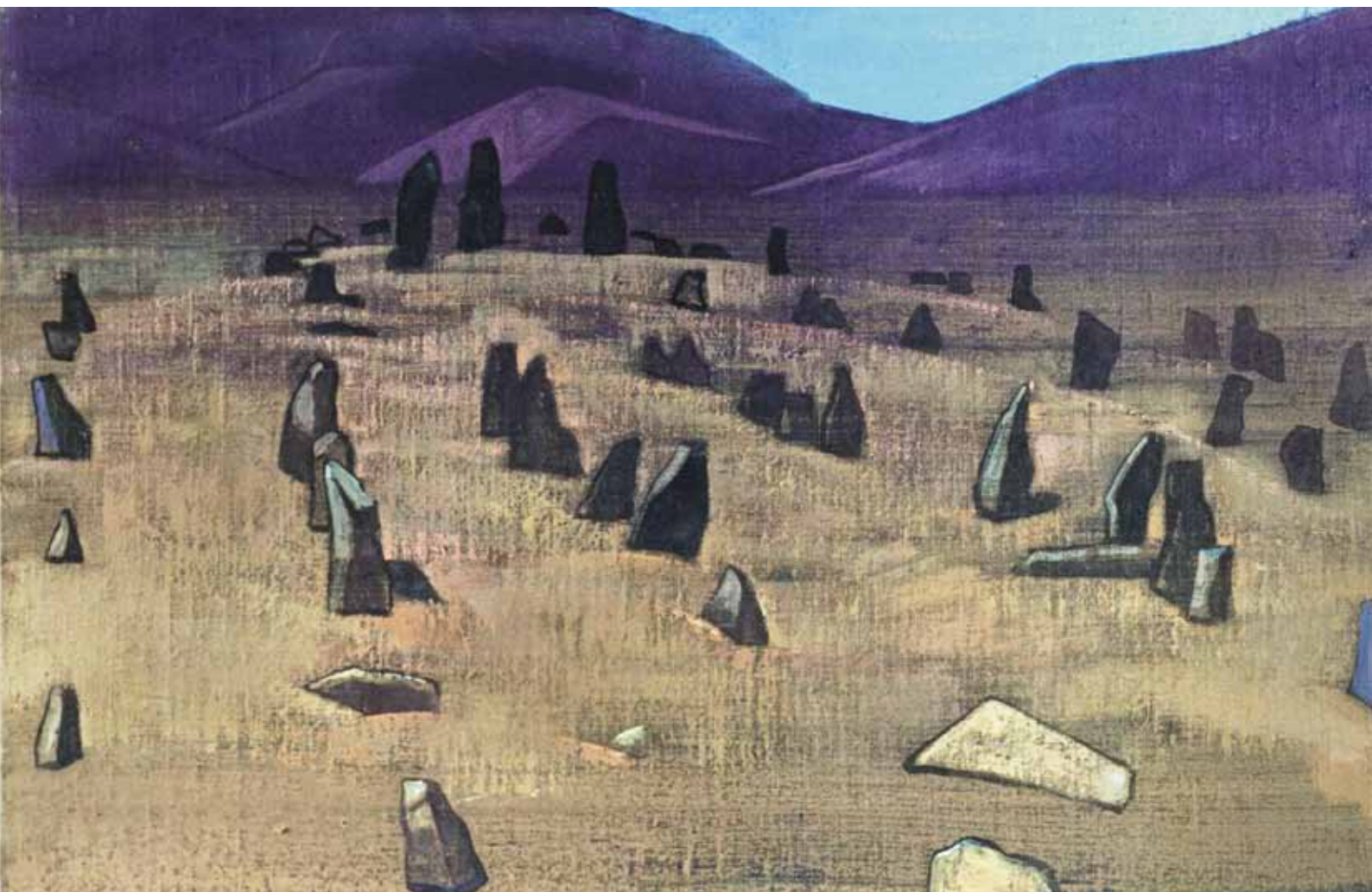
¹⁹ Ла Валле-Пуссен Луи де (1869–1938), индолог, член-корреспондент Императорской Академии наук по разряду восточной словесности Отделения исторических наук и филологии с 3 декабря 1916 года.

²⁰ «Индия во времена [династии] Маурья» (франц.).

²¹ Яваны – в древности и раннем средневековье в Индии так называли греков и народы, жившие к западу от Индии.

²² В книге «Hellenism in Ancient India» говорится о двух водоемах, которые были предоставлены в качестве подарков.

²³ Перевод с франц. Т. Галочкиной.

Н.К. Рерих. Мензирья. 1928–1929 (?)

И вот мы опять встречаемся с этим загадочным упоминанием слова «гот». И, кроме того, мы будем помнить, что самый древний культ свастики происходит от огненного, и это напоминает доготских друидов с их культом огня и света. Конечно, все это – фрагменты великих памятников прошлого, но, зная Ваш живой интерес к различным областям древности, я не могу отказать себе в удовольствии поделиться с Вами этими отрывочными сведениями, будучи уверен, что Вам это будет приятно и Вы разделите мое научное воодушевление по самым манящим вопросам Великого переселения народов.

Пожалуйста, передайте Американскому археологическому институту мои самые лучшие пожелания и просьбу принять мое выражение дружбы и искреннейшего почтения.

Искренне Ваш

[Н. Рерих]

PS. Мы посылаем коробку с двумя картинами в Бомбей (Маккиннон Маккензи и Ко) для обычной отправки морем в наш Музей в Нью-Йорке. Я не положил их под стекло, потому что оно может разбиться по дороге, но потом необходимо будет застеклить картины.

5 апреля 1933 г.

Мой дорогой профессор Магоффин, я сердечно рад обоим Вашим письмам от 9 марта, только что полученным через м-ра Л.Л. Хорша²⁴. Именно Вы, кто отдал все свои силы и знания на поприще Культуры и Науки, должны быть держателем нашего Знака. Я также очень рад, что картина «Конь Гесэр-хана» поселилась у Вас дома и всегда будет знаком моих самых искренних, сердечных чувств к Вам. Я буду очень при-

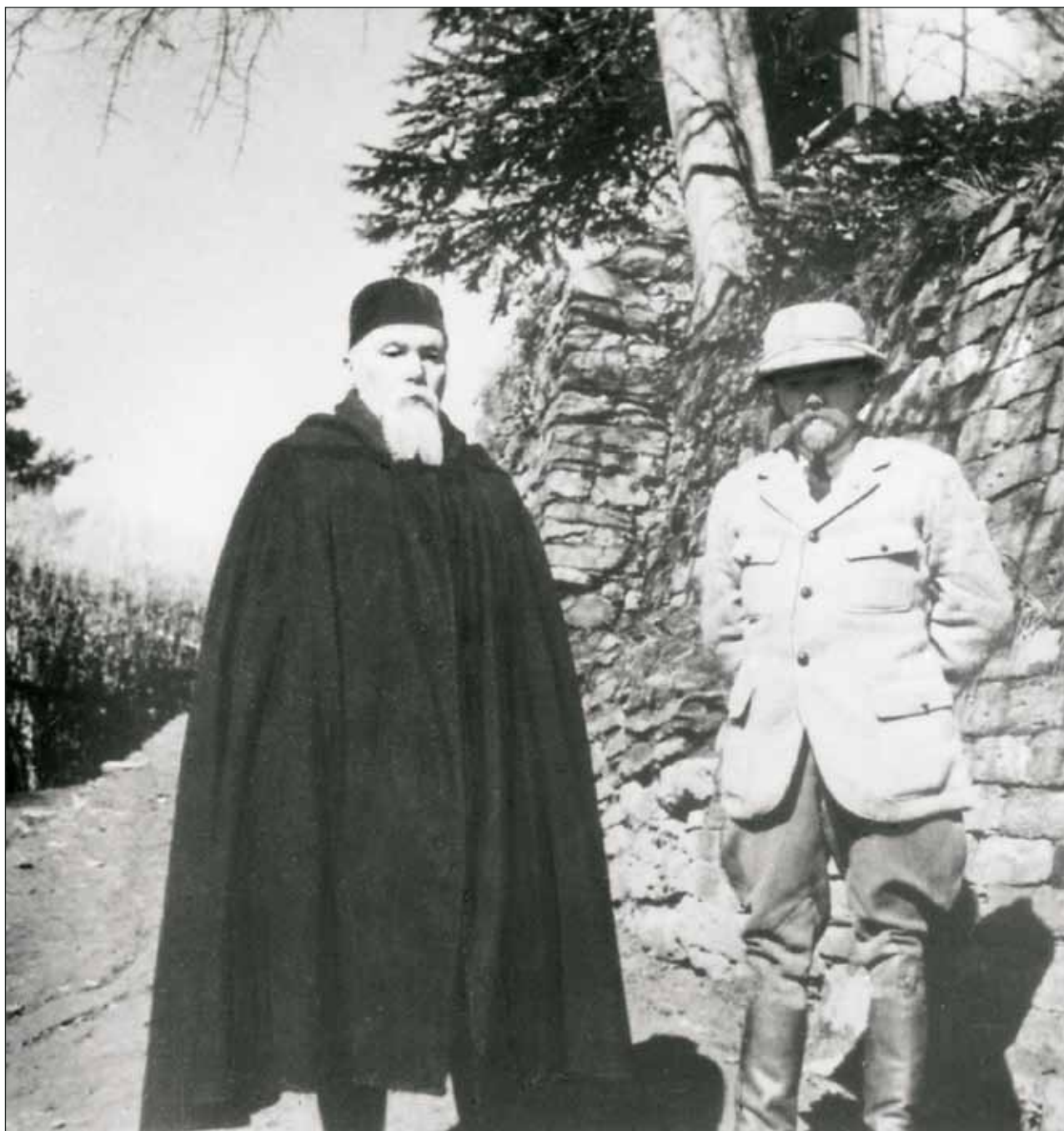
²⁴ Хорш Луис (наст. фамилия Леви) (1889–1979), президент Музея Николая Рериха в Нью-Йорке, президент Мастер-Института объединенных искусств, президент Международного художественного центра Corona Mundi. Сотрудничал с Е.И. и Н.К. Рерихами до второй половины 1935 года.

знателен, если Вы дадите мне знать, опубликовано ли в Археологическом журнале мое разъяснительное письмо и возможно ли получить фотографию моих «The Glaves», поскольку фотографию не удалось сделать здесь и у нас ее нет.

Вам будет интересно услышать, что на последнем собрании Этнографического общества в Париже мое сообщение об этих наскальных рисунках Лахула было зачитано, и я слышал, что в Париже оно получило высокую оценку. Нам

всем очень нравится Ваша стойкая и благородная позиция в переписке с президентом Мичиганского университета. Кажется невозможным понять их точку зрения по данному вопросу, если не допустить, что за всем этим что-то стоит. В своем последнем письме к м-ру Хоршу, датированном 15 марта, д-р Александр Рутвен пишет следующие странные слова: «Я считаю нужным напомнить Вам, что, должно быть, что-то стоит за Вашим отношением к работе м-ра Кельца²⁵ в Индии,

²⁵ Кельц Вальтер, орнитолог и ботаник Мичиганского университета, работавший в Институте Гималайских исследований «Урусвати» в 1930–1932 годах.

Н.К. и Ю.Н. Рефики. Кулу. 1930–1940-е гг.

и это было объяснено мне». Я отчаялся понять, что помешало д-ру Рутвену принять участие в нашем Музее. Кажется, что дело в целом совершенно ясное и очевидное; любой человек на земле прекрасно понимает, что рекомендованные служащие (после неэтичных и криминальных акций) не могут быть отправлены в места, находящиеся рядом с тем, где он (*Кельц. – Прим. перев.*) вел себя дурно, какие бы там ни были тайные мотивы. Возможно, д-ру Рутвену не вполне ясно, что м-р Кельц в добавок ко всем его недопустимым делам незаконно присвоил себе кое-что из собственности Института, и Вы, как авторитет в классическом праве, знаете, как квалифицируются согласно *Jus Romanum*²⁶ такие [поступки]. Д-р Кельц смеет утверждать, что институтские ружья принадлежат ему, и д-ру Рутвену хорошо бы спросить Кельца, кому принадлежат полевые бинокли, которыми пользуется Кельц. Я мог бы упомянуть еще много деталей, но если д-р Рутвен хочет быть глухим и немым перед подобными фактами, тогда, возможно, его этика отличается от нашей. Я даже не рассматриваю вопрос, приличествует ли ученому досаждать авторитетам такими фальсифицированными клеветническими письмами. По этой почте мы послали в наш Музей три сообщения, подтверждающие результаты некоей таинственной деятельности этого «труса с манией величия», как Вы его назвали.

Если у Вас есть какие-либо идеи по поводу Мичиганского университета в этой загадочной «кельциаде», я приму их, если Вы дадите мне знать. После всего этого Индия кажется достаточно большим континентом, и почему же только маленький уголок Кулу – наши ближайшие соседи – оказался атакован махинациями Кельца?

С самыми сердечными пожеланиями миссис Магоффин и Вам,
Искренне Ваш

[Н. Рерих]

Г. Манойловичу

14 апреля 1932 г.
Урусвати

Глубокоуважаемый г-н Манойлович, наш Генеральный Секретарь в Париже уведомил меня о приветях, переданных мне от Министра

Мажуранича²⁷, от Посла Сполайковича²⁸ и от Вас. Пользуюсь этим случаем, чтобы взаимно приветствовать Вас и с лучшими пожеланиями просить Вас передать Академии Югославии мои сердечные чувства. Посылаю Вам мою подписанную копию последней книги «Держава Света»²⁹, в которой Вы найдете и мое приветствие Славянскому Обществу в стремлении к великому понятию Культуры.

Вы знаете мои глубокие симпатии к славянским землям и мое восхищение Вашим славным Монархом, Королем Александром. Потому для Вас будет вполне понятен мой следующий вопрос. Я знаю, что некоторые Университеты, как в Югославии, так и в других странах, дают звание доктора по печатным трудам, принимая их как докторский тезис. Мне и сыну моему ввиду наших сказанных симпатий к Югославии хотелось бы иметь в формуляре нашем и это славянское отличие. Потому доверительно не откажите сообщить мне по нижеуказанному адресу, каким способом это возможно сделать? Вы уже знаете целый ряд моих книг, а книга моего сына «Пути Азии», изданная Йельским Университетом в Америке, уже переизданная Оксфордом и сейчас издаваемая по-французски и по-немецки, уже одна сама по себе представляет серьезнейший докторский труд. Самые серьезные критики отзываются о ней с восторгом. Кроме того, его книги о Зверином стиле³⁰ и о Тибетской Живописи³¹ являются такими же серьезными исследованиями, вызвавшими самое глубокое внимание. Со следующей почтой посылаем и эти книги Вам. Сейчас мы усиленно заняты построением биохимической лаборатории; об этой лаборатории и прочей нашей деятельности в Гималаях Вы увидите из последнего прилагаемого выпуска нашего журнала. Еще раз шлю Вам и славной Академии Югославии мои искреннейшие приветия.

С искренней преданностью

[Н. Рерих]

[июль 1932 г.]

Глубокоуважаемый Председатель и Коллега, мой дорогой Друг, Ваше сердечное письмо от 16-го июня с.г. меня глубоко тронуло. Поистине, когда встречаются славянские сердца, то вспыхива-

²⁶ Римское право (*лат.*).

²⁷ Мажуранич, руководитель Рериховского центра в Загребе, президент югославского сената.

²⁸ Сполайкович, югославский дипломат.

²⁹ Рерих Н.К. Держава Света. Southbury: Алатас, 1931.

³⁰ Roerich G. Animal style among the nomad tribes of Northern Tibet. Prague: Seminarium Kondakovianum, 1930. См.: Рерих Ю.Н. Звериный стиль у кочевников Северного Тибета. М., 1992.

³¹ Roerich G. Tibetan Paintings. Paris: Soc. Anonyme, 1924. См.: Рерих Ю.Н. Тибетская живопись. М.: МЦР, 2002.

ет огонь дружбы истинной. Душевное спасибо Вам и всей Югославии за приглашение приехать в качестве личного гостя Его Величества Короля Александра. Моя душа стремится к Югославии, и в первую возможность я, конечно, буду счастлив посетить Вашу славную героическую страну, которую по славянским корням как бы считаю второй родиной. Полно мое сердце влечения к славному Государю Вашему, Королю Александру. Души человеческие могут знать друг друга и заочно. Вот и я знаю светлую Душу Покровителя Культуры, Знания и Искусства – т.е. всего того, чем жив дух человеческий.

Думаю, что и король Александр чувствует мои душевные стремления, сердечные пожелания. Истинно, пусть будет так, как хочет сердце наше.

Благодарю Вас заранее за статью Вашу о трудах моих. Предвкушаю радость увидеть ее здесь, среди белоснежных Гималаев. Сердечно отзываются и на Ваше радушное предложение об основании Отдела Музея нашего в отдельной комнате Загребского музея. Если Вы мне скажете приблизительно размеры предположенной комнаты, то я без промедления приложу усилие к осуществлению Вашего предложения, которое так отвечает моей любви к Братьям Славянам. Буду очень ценить все Ваши сообщения и об открытии Белградского Отдела, куда картины уже посланы, как из Гималаев, так из Парижа и Америки. Надеюсь, что размещение и освещение картин будет удачно. Благодарю Вас и за Ваше благожелательное сведение о намерениях обрадовать меня почетным званием Доктора Загребского Университета.

После моих многолетних археологических трудов в России и после нашей пятилетней научно-художественной экспедиции по Индии, Центральной Азии и Тибету я чувствую и в этом Вашем предложении братскую оценку трудов моих.

С радостью в свое время обращусь к Славянским народностям с лекциями о Культуре, которая может быть единственным решающим основанием среди смятений человечества. Вы сетуете на то, что в Югославии сравнительно мало знакомы с моими писаниями. Передаю в Ваши дружественные руки одиннадцать статей последнего года и предоставляю Вам распорядиться ими по Вашему усмотрению. Само собою разумеется, что я не думаю ни о каком гонораре, но искренно желаю участвовать в культурных беседах Братьев Славян.

Прошу Вас передать мои сердечные приветствия и пожелания Вашему героическому Государю,

Членам Академии, Министру Мажураничу и всем друзьям, к которым так истинно устремляется сердце мое. Сердечно преданный Вам, искренно Ваш

[Н. Рерих]

Апреля 17-го 1933 г.

Глубокоуважаемый Коллега и мой славный друг, сердечное спасибо Вам за письмо Ваше от 5-го марта. Глубоко оценил я Ваши дружеские строки, которые еще раз помогают мне укрепляться в моих глубоких симпатиях к героическим Славянским народам, к которым принадлежит и дух мой. Радуюсь, что картины мои дошли в сохранности и вызывают Ваше восхищение. О правилах этих отделов музея Вам напишет особо В.А. Шibaев³². Из переписки Вашей и А.А. Олесницкого усмотрел я о финансовых нуждах Академии. Конечно, сейчас наиболее трудное время, чтобы говорить о каких-либо денежных субсидиях. Весь мир потрясен финансовым кризисом, особенно же Америка. Даже Франция, оказавшаяся сейчас самой богатой страной мира, сейчас переживает внутренний очень серьезный денежный кризис. Как ни странно, все эти кризисы прежде всего отражаются на просветительных учреждениях, точно бы наука и творчество не составляют надежду всего человечества. Но когда у меня спрашивают совета, не в моем обычае отрывисто сказать нет. Во всех обстоятельствах может быть и какое-либо полезное решение, как всегда, основанное на сердечном сотрудничестве. Ваш вопрос о субсидии оказывается уже шестьдесят третьим по порядку в моем портфеле. Перед Вашим вопросом находится Афонский Монастырь, затем Псково-Печерская Лавра, затем Национальный Музей в Белграде, затем образовательный театр в Париже, научный журнал в Индии и затем целый ряд подобных же крупных, почтенных и полезных просветительных учреждений в семнадцати странах. Целое бедствие, которое свидетельствует о тяжком для Культуры времени. Все это вместе взятое облекается в сердце моем в большой культурно-финансовый проект, который я бы хотел обсудить и с Вами во время моего будущего приезда.

О том же проекте считаю необходимым доложить и его Королевскому Величеству королю Александру. О добрых просветительных делах всегда нужно мыслить в самом широком объеме,

³² Шibaев Владимир Анатольевич (1898–1975), секретарь Н.К. Рериха, секретарь Института Гималайских исследований «Урусвати».

а сейчас при бедствии всей Культуры нужно со всем вниманием и особою ревностью отнестись к этому вопросу.

Вы сообщаете мне об отзыве в журнале о труде сына моего. К письму Вашему он не был приложен. Чтобы упростить всякие пересылки, имейте в виду, что пароход по Адриатике сейчас доставляет почту в Бомбей в одиннадцать дней.

Если что-либо появится в местной Прессе, пожалуйста, пришлите. Со следующей почтой посылает для Вас и А.А. Олесницкого Третий Том нашего Гималайского ежегодника. Книга вышла очень содержательная, если бы не скудость средств, то сколько бы полезных вещей можно сделать. Но будем тверды духом и будем помнить старинное изречение: Благословенны препятствия, ими мы растем.

Сердечный привет Вам, А.А. Олесницкому и всем членам Академии от меня, Вашего искреннего друга. Да живет земля Все-Славянская.

Духом с вами

[Н. Рерих]

Е.А. Москову

17 апреля 1934 г.

Нью-Йорк

Дорогой Евгений Александрович.

Ваше прекрасное письмо от 16 апреля сейчас получено, и оно настолько зазвучало в сердце моем, что не могу не ответить Вам сейчас же. Искренно радуюсь, что Вы так близко приняли мои зовы о Культуре и о Русской Культуре в частности. Именно, как я и говорил Вам, – если тьма организована, то кольми паче должно быть лучше организовано все стремящееся к Свету.

Ваши мысли о создании Русского Института при нашем Обществе именно близки мне и всем нашим сотрудникам. Прецедентов тому так много, что было бы странно, если бы этот Институт не осуществился.

У нас существует Польский институт Искусства и Литературы, существует Финское Общество, существует Институт для Образования Взрослых, существуют многие образовательные Общества и кружки³³.

Для меня необычайно странно, что до сих пор не было именно Русского Института для именно русской культуры. Потому Ваше письмо является для меня не только радостной вестью, но и долгожданной вестью.

Итак, не откладывайте в долгий ящик Вашего благого намерения, решайте Институт теперь же, освятите его в нашей Часовне Преподобного Сергия и начинайте работу добрую. Вы знаете мой постоянный завет о том, что зерно даже самого могучего древа мало, а потому начинайте хотя бы с малого, но неотложно.

Будьте уверены, что и Зин. Григ. Лихтман, к которой я Вас направляю для переговоров, и все прочие члены Правления будут искренно рады способствовать тому поистине благому и нужному начинанию.

Вы, конечно, знаете, что наше главное затруднение сейчас лишь со стороны финансовой. Общее разорение Америки тяжело отразилось и на самом нашем деле, и на участниках его. Но учреждения, слава Богу, пережили этот кризис и сейчас опять на пути к выздоровлению. Говорю это к тому, чтобы у Вас не было ни малейшего сомнения в том, что кто-то жадничает для благого дела.

Поверьте, все, что возможно в наших физических пределах, будет сделано.

Кроме того, будут приложены как и Вами, так и всеми сотрудниками заботы, чтобы американские «Фаундмен» поддержали это необходимое начинание и для самой Америки. Во всяком случае, начало Института, с минимальным курсом лекций, не должно вызвать никаких особых затруднений. А здоровое зерно, конечно, принесет и мощные ветви.

Лишь бы была уверенность в необходимости дел, лишь бы было терпение, качество и сердечное сотрудничество. Именно эти качества я всегда заповедаю и во всем и всюду. Они своевременно давали лучшие следствия.

Думается мне, что Вы должны принять на себя и постриг Ректором этого Института. Таково было бы мое желание. Впрочем, как всегда, предоставляю нашим ветвям и филиалам полную самостоятельность во Благое.

Хочется, чтобы Русский Институт начал работать уже с осени, а теперь же начните все нужные переговоры. На этих заседаниях оставляйте для меня какое-либо кресло, ибо в духе буду присутствовать и пошлю Вам мое самое сердечное пожелание успеха.

Осветить Русскую Культуру, сказать о ней в справедливых оценках – это значит установить еще одно великое мировое понятие.

Еще раз благодарю Вас за чудесное письмо Ваше и шлю Вам и всем будущим сотрудникам на Пашне Культуры мой сердечный привет.

Духом с Вами

[Н. Рерих]

³³ Рерих перечисляет учреждения при Музее Николая Рериха в Нью-Йорке.

11 февраля 1938 г.

Дорогой Евгений Александрович,

Спасибо Вам за Ваше доброе письмо и за прекрасную Вашу диссертацию о Чаадаеве, да еще с такой задушевной надписью. Именно и мы считаем Вас истинным другом и тем более ценим Ваше мнение. Диссертацию Вашу прочли с глубоким вниманием и очень радовались. Как истинный историограф, Вы доброжелательно и объективно развернули для Америки высокую личность русского мыслителя. Именно тогда, когда о России мыслят так разнообразно и пытаются привешивать к понятию нашей Родины всевозможные странные атрибуты, – именно тогда и надлежит знакомить с великими русскими деятелями и мыслителями. Таким путем можно доподлинно показать, как глубоко и широко мыслили русские люди в то время, когда иностранцы по неведению сажали их под развесистой клюквой.

Вы избрали весьма счастливо для диссертации именно характер философа Чаадаева. Его жизнь протекла через такие сложные периоды Европы и России, что особенно необходимо подчеркнуть, как мог перебороть большой русский ум многие, казалось бы, нерешимые проблемы. И написана Ваша диссертация ясным доброжелательным языком. Можно лишь пожелать, чтобы такая полезнейшая работа широко разошлась и заставила бы многих американцев еще более уточнить представление о русской мысли, о русском творчестве, о русском народе.

Также весьма интересно Ваше сообщение об Обществе для Исследования Русско-Американских Сношений. Действительно, как Вы и пишете, это общество как бы продолжило основное задание нашего Русского Института, о котором мы с Вами так горячо мыслили и согласились. В конце концов, не все ли равно, под каким заголовком происходит полезная работа, – лишь бы она неустанно происходила. В историю изучаемых Вами сношений Вы запишете и идею Русского Института, ибо слова из песни не выкинешь. Естественно, среди изучаемых Вами сношений Вам придется коснуться и таких сложных моментов, какие несколько раз возникали в истории. Но опять-таки из песни слова не выкинешь, и «amicus Plato, sed magis amica veritas»³⁴. Но Вы как юрист и историограф сумеете миновать и Сциллы и Харибды. Такие исторические труды останутся частью русской летописи.

Вы, конечно, уже знаете о новых вандализмах, чинимых апостатами³⁵. Это тоже своего рода ис-

тория сношений. Ведь эти сговоренные вандализмы определенно направлены против русского дела, против русского имени. Знаем мы многие подоплеки, и тем более русские люди должны стоять на страже там, где преднамеренно-злумышленно разрушается русское построение. Мы знаем, как Вы действительно дружественно содействуете З.Г. Л[ихтман]. Где бы ни оказалась Школа, мы знаем, что Вы не откажетесь от участия в ней. Также мы уверены, что Вы по-прежнему участвуете и в Комитете Музея. Этот Комитет сейчас получает особое значение. Ведь вандализм направлен и против музея, и, конечно, апостатами предположены наиболее отвратительные меры. Но Комитет Музея знает, что он охраняет общественное американское достояние, – ведь Вы знаете нашу декларацию 1929 года, которая была единогласно постановлена и остается для всех подписавших ее в полной силе. Как юрист Вы оцените, что эта декларация была не петицией, не предложением, но именно декларацией в полном смысле этого слова.

Вы знаете, что апостаты пытаются завладеть эту общественную собственность как свою частную и пытаются нарушить единогласную декларацию. Но ведь Музей является особой корпорацией, и постановления Совета Музея могли бы быть изменены лишь большинством голосов, но прочтя подписи под декларацией, Вы видите, где именно подавляющее большинство, даже если бы два апостата и пытались нарушить свое слово. Конечно, все их действия показывают особое свойство их совести (если таковая имеется). Во всяком случае Комитет Музея должен существовать и как общественный голос быть на страже народного достояния. При этом Ваш голос не только как опытного юриста, но и как глубоко русского человека будет иметь особое значение. Говорю это все, а сам и без того знаю, что и Вы мыслите совершенно так же.

Вспоминаем Вас и Вашу супругу часто. Помню на ее груди знак Красного Креста, который всем нам так близок. Может быть, Вы уже знаете, что сердечная статья Ваша была перепечатана в Рижском журнале «Для Вас», а также войдет в издаваемую сейчас Книгу Приветствий. Итак, будьте на страже, чтобы всеми силами охранить русское дело от преднамеренного, сговоренного вандализма. Будем рады Вашим вестям и желаем Вам от души всякого успеха.

Духом с Вами

[Н. Рерих]

³⁴ «Платон – друг, но истина больший друг» (лат.) – слова, приписываемые Аристотелю.

³⁵ Имеются в виду Луис и Нетти Хорш, Эстер Лихтман.

П.Р. Радосавлевичу³⁶

24 июня 1938 г.

Наш дорогой Друг,
Сердечное спасибо Вам за Ваше искреннее письмо и вложения в него. Миссис Лихтман уже сообщила нам, что Вы написали резкое письмо против вандализма. Действительно, тот вандализм, который учинил Хорш в Музее, – это полное бессердечие. Недопустимо, чтобы преступление одного-единственного злонамеренного человека уничтожило общественный институт, существующий более 15 лет, поддерживаемый авторитетными людьми по всему миру. Мы еще не знаем, протестует ли общественное мнение Америки. Мы знаем, что группа друзей, к которой принадлежите и Вы, негодует, – но мы до сих пор ждем известий, как реагирует вся страна. Зная об отношении к искусству в других странах, я не могу представить себе, чтобы такой вандализм прошел незамеченным. Сейчас не лично обо мне речь, хотя этот случай связан с моими собственными картинами, – но я говорю как один из старейших тружеников на поле культуры и просвещения. Каким будет отношение вашего молодого поколения, оказавшегося свидетелями этого варварского дела? Нации собирают результаты экспедиций и стараются объединить их с сериями картин, и вот на глазах у всех тысяча картин брошена в тюрьму со злым намерением попортить и уничтожить их. Усиливая преступный вандализм, Хорш требует у меня экспедиционные деньги, хотя каждый знает, что экспедиция финансируется институтами. Какие ужасные манипуляции разрешены в таком случае! Поистине, сейчас пишется самая темная страница культуры за всю историю. А самое странное то, что есть люди, которые стоят на стороне Хорша и верят всей его лжи. Недавно миссис Лихтман написала нам, что Клод Брагдон сказал, что каждый, кто сравнит личности Р[ериха] и Х[орша], однажды поймет, на чьей стороне правда. Впервые в моей жизни я столкнулся

с таким вандализмом. В жертву Музею были принесены двадцать пять лет лучшего времени жизни, и Вы знаете, как высоко я всегда отзывался об американской нации. Дайте нам увидеть, как Америка будет действовать. Мы еще раз благодарим Вас за Вашу дружбу, которую мы храним глубоко в памяти. Любая новость от Вас принесет радость. Сердечнейшее спасибо за отски Вашей блистательной монографии.

Духом с Вами

[Н. Рерих]

7 августа 1939 г.

Мой дорогой Друг,
я шлю Вам отдельно несколько отски моих недавних статей. В этих эссе я как бы продолжаю мои разговоры с Вами, и я знаю, что Вы откликнитесь на эти мысли.

Несомненно, Вы уже слышали о новой большой иллюстрированной монографии о моих картинах. К сожалению, у нас нет подарочных экземпляров, но если Вы захотите написать рецензию на монографию, то я буду только рад попросить для Вас экземпляр для обзора. В этом случае Вы можете или написать мне, или связаться с миссис Зина Лихтман по этому вопросу. В Индии монография получила высокую оценку. В августе в статье мистера Конланга³⁷ был поставлен вопрос ИЗУЧЕНИЯ моего искусства. Мне хотелось бы знать, видели ли Вы ее копию? Вероятно, также Вы могли слышать от миссис Лихтман, что мой портрет работы моего сына Святослава выставляется в иностранном разделе Лувра в Париже, и мы уже услышали несколько восторженных отзывов об этом новом приобретении музея.

Я надеюсь, что Вы в полном здравии, и всегда счастливы следовать Вашей блистательной работе.

Духом с Вами

[Н. Рерих]

Публикация и примечания О.А. Лавреновой

³⁶ Перевод с англ. А.Л. Барковой.

³⁷ Вероятно, Конлан Барнет Д. (ум. 1973), английский поэт и художественный критик, член Французского рериховского общества.